

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.24411/2076-8176-2020-12011

Георгий Львович Френкель — выдающийся петербуржец, учёный и гуманист

А.Ш. АЛИЕВ, Ж.М. АЛИЕВА

Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия; ahmad-aliev@mail.ru

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя.

А.А. Фет

Пересматривая недавно фотоальбом отца, я обратил внимание на фотографию, подаренную ему его научным руководителем — академиком Академии медицинских наук СССР, академиком Академии медицинских наук Киргизской ССР, почётным академиком ряда иностранных академий Георгием Львовичем Френкелем.

В этом году исполнилось 120 лет со дня его рождения и полвека, как ушёл из жизни этот уникальный по своему уму и эрудиции человек.

Зайдя в Интернет, я к своему удивлению обнаружил, что в информационных источниках нет даже фотографии Георгия Львовича Френкеля. И тогда я решил написать о нём, ведь наша память — это долг нашей чести и нашей души. С Георгием Львовичем Френкелем судьба свела моего отца в середине 50-х гг. прошлого века в Киргизии, где наша семья находилась в годы депортации.

С отличием окончив Киргизский мединститут, мой отец, Алиев Шерпудин Амирович, некоторое время работал ординатором и заведующим хирургическим

Рис. 1. Георгий Львович Френкель
Fig. 1. George Lvovich Frenkel

Рис. 2. Георгий Львович Френкель
в 50-е годы
Fig. 2. George Lvovich Frenkel
in the 50s

отделением Ошской областной больницы. После неоднократных попыток (мешал ярлык спецпереселенца) в 1956 г. он поступает в аспирантуру Киргизского мединститута, где в это время работал Георгий Львович Френкель. Эта встреча и предопределила всю дальнейшую судьбу отца.

Георгий Львович был потомственным ленинградским интеллигентом, волей судьбы занесённым в Киргизию. Ровесник XX века, его жизнь зеркально отобразила все сложные и противоречивые моменты в судьбе нашей страны. Георгий Львович Френкель родился в Петербурге в 1899 г. в семье служащего. В молодости он увлекался поэзией и даже издал сборники стихов под литературным псевдонимом Георг Нордбан. Соавтором этого сборника («Паутинка» «Два монокля», «Дроби») был талантливый ленинградский поэт и прозаик Матвей Коварский (Мэтью Кэв), который в 30-х гг. попал под пресс сталинских репрессий. Это был культурный ренессанс нэповской эпохи. Об этом хорошо написано в книге Стивена Коэна «Бухарин. Политическая биография 1988—1938 гг. В эти годы Г.Л. Френкель состоял в Ленинградском обществе экслибрисистов, а в 1924 г. издал даже своё исследование об экслибрисах Doddy (Владимира Григорьева) тиражом в сто экземпляров. Будучи заядлым библиофилом, Георгий Львович собрал целую библиотеку по вопросам медицины, спорту, изобразительному искусству, а позже и по военно-морскому делу. Г.Л. Френкель владел девятью иностранными языками, но в анкете указывал только русский.

С 1918 по 1920 г. он служил в рядах Красной армии в Выборге, когда Финляндия была Советской. В октябре 1920 г. Георгий Львович поступает в военно-хирургическую академию, но прерывает учёбу из-за Кронштадтского мятежа, затем вновь возвращается в институт и оканчивает его в 1925 г. Дальнейшая трудовая деятельность Г.Л. Френкеля была связана с

преподавательской деятельностью в Военно-хирургической академии¹, где он работал ассистентом, доцентом и зампрофессора, дослужившись до должности проректора этого вуза. В 1934 г. Г.Л. Френкель переходит в физико-биологический отдел Ленинградского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины, а затем в научно-исследовательский медицинский институт сейсмопатологии (вибрации). Звание доцента и степень доктора медицинских наук Георгий Львович получил уже в 1935 г., а профессора по специальности «патологическая физиология» в 1939 г. Им было опубликовано в общей сложности 130 научных работ и 14 монографий. В 1960–1970-х гг. его называли в числе основоположников целого направления в медицине.

В годы советско-финской войны Георгий Львович входил в консультативное бюро фронта. Когда началась Великая Отечественная война, Георгий Львович добровольцем вступил в ряды Краснознаменного Балтийского Флота. На Балтике он во время войны служил на госпитальном судне «Жданов», затем на санитарном транспорте «В. Молотов», а позднее начальником Третьего отделения Медико-санитарного отдела Краснознаменного Балтийского Флота. За годы войны был награжден орденом «Красная Звезда» и медалями: «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Накануне блокады Ленинграда, когда Военно-медицинская академия была эвакуирована в Среднюю Азию, Г.Л. Френкель с частью интеллигенции перебирается в Киргизию. Здесь и произошло «второе рождение» Георгия Львовича. В том была какая-то ирония судьбы, когда представителя репрессированного народа жизнь свела в Киргизии с человеком, который, в известном смысле, тоже оказался там не по своей воле. С 1945 по 1955 г. он работает старшим научным сотрудником Академии медицинских наук СССР. Привлекался ли он к процессу по «делу врачей», мне неизвестно. Вряд ли такой человек — ленинградский интеллигент, еврей и учёный-медик — мог оказаться незамеченным карательными органами. В любом случае смерть Сталина в марте 1953 г. спасла многих врачей от неминуемой расправы. В Киргизском медицинском институте с 1952 г. Г.Л. Френкель возглавил кафедру патологической физиологии.

В 1956 г. он уже окончательно связывает свою судьбу с Киргизией. В 1959 г. Георгий Львович получает звание заслуженного деятеля науки Киргизской ССР. В 60-е гг. он становится лауреатом Государственной премии в области науки и техники. В это время он работает в Академии наук Киргизской ССР и в Институте краевой медицины, ряд лет является руководителем философского семинара и бесменным председателем общества патофизиологов республики.

При его фактическом руководстве в декабре 1959 г. мой отец защищает кандидатскую диссертацию, а в мае 1967 г. в возрасте 40 лет докторскую диссертацию и становится первым доктором медицинских наук среди чеченцев. В диссертации анализируются особенности протекания ожогового шока в условиях жаркого климата Средней Азии.

В период работы над диссертацией отцом было поставлено около тысячи опытов на собаках. Это был тяжёлый «каторжный» труд, в который была вовлечена и моя мать, «ночи напролёт» сидевшая за арифмометром, анализируя расчётные таблицы. Вся семья из пяти человек жила на отцовскую стипендию в 100 рублей. Отец

¹ С 1935 г. она будет называться Военно-медицинской академией им. С.М. Кирова.

через день брал дежурства в больнице, а я с братом и матерью собирал бутылки и сдавал их в стеклотару. В целях форсирования работы над диссертацией отец ездил с Георгием Львовичем в Ленинград и Таллин, где Г.Л. Френкель любил отдыхать. Примерно по часу в день Георгий Львович работал с аспирантом, вычитывал параграф главы, отец исправлял замечания, а на следующий день приносил новый.

Отношения между отцом и Г.Л. Френкелем довольно быстро приобрели дружеский характер. Он жил во Фрунзе (ныне Бишкек) с женой на ул. Советской, дом 166. Детей у них не было. В шикарной по тем временам квартире отсутствовало централизованное отопление, топить приходилось углём, и отец, не раздумывая, согласился с Георгием Львовичем на двухсторонний обмен. Это было для нашей семьи непростым решением. Мать вспоминала, что в день ей приходилось поднимать на второй этаж шестнадцать ведер угля. Но отказать Георгию Львовичу отец не мог, тот был его кумиром. Плюс к тому, это было счастливое время начала семейной жизни моих родителей, когда любые трудности казались преодолимыми. Мы заехали в квартиру Георгия Львовича в 1968 г. Это был «еврейский квартал» в центре г. Фрунзе, где в коммунальных комнатах жили в основном одинокие бабушки еврейской национальности. Это были удивительные старушки от 70 лет и старше, своего рода «живые энциклопедии жизни»: Берта Григорьевна, Ольга Самойловна и другие. Они давали мне конфеты, и я, счастливый, бежал в продуктовый магазин выполнять их поручения. Мать впоследствии вспоминала, что за все последующие годы она не смогла набраться такой житейской мудрости, которую приобрела в это время. Я учился тогда в начальных классах средней школы, но Георгия Львовича я запомнил очень хорошо. Он пришёл как-то к нам в гости в свою старую квартиру и со словами: «Вы что, не умеете культурно пользоваться светом?» переключил рубильник, и у нас загорелся свет, единственный на весь квартал.

Георгий Львович очень любил театр и балет и не пропускал в Киргизии ни одной новой постановки. Во время своих посещений театра он часто брал моего отца с собой, покупал два билета рядом и ещё три билета в переднем ряду, чтобы не мешали смотреть постановку. Френкель также писал рецензии на театральные и балетные постановки. На память от него нам осталась статуэтка балерины Галины Сергеевны Улановой и некоторые его книги по медицине на разных языках. От столь частых «походов в театр», из-за загруженности хирургическими дежурствами, отец сильно уставал и начинал уговаривать Георгия Львовича пропустить постановку, но слышал в ответ: «Нет, Саша, давай все-таки пойдём. Там во втором акте балета у такой-то балерины [он называл фамилию балерины. — *Прим. авт.*] заметил такую красивую ножку, надо её сфотографировать». И вот, вооружившись фотоаппаратом и моноклем, вспоминал отец, мы отправляемся на поиски той ножки, которая понравилась Георгию Львовичу.

Френкелю было трудно произносить чеченское имя Шарпудин, поэтому он называл отца просто «Сашей». Кстати, с лёгкой руки Георгия Львовича отца «Сашей» в Киргизии стал называть и Махмуд Эсамбаев, ставший впоследствии всемирно известным танцором.

В одну из командировок в Ленинград Георгий Львович дал отцу рекомендательное письмо. К сожалению, само письмо в годы Второй чеченской войны где-то затерялось, но текст письма был примерно следующий: «Вице-адмиралу Балтийского флота Траубе! Как бывший ваш ученик по морской академии, прошу оказать содействие моему аспиранту в сборе материала для его кандидатской диссертации. Г.Л. Френкель».

И когда с этим письмом, вспоминал отец, он приехал в Ленинград, то не было таких дверей, которые бы перед ним не открывались. Таким непререкаемым был авторитет этого человека в Ленинграде.

Отец рассказывал много разных интересных, порой даже смешных историй, связанных с Георгием Львовичем. Во время командировки в Таллин, вспоминал отец, они зашли с Георгием Львовичем пообедать в ресторан и ему попался очень горький огурец (как говорится, и есть невозможно, и выплюнуть некуда). «Георгий Львович, что делать? — обратился отец с вопросом к Френкелю и услышал беспристрастный совет Георгия Львовича: — Что делать, что делать, глотать». Пришлось действительно огурец проглотить.

В 1967 г. на защите докторской диссертации моего отца официальным оппонентом выступал ректор Киргизского медицинского института тех времен Иса Коноевич Ахунбаев, чье имя и сейчас носит киргизская медицинская академия. Отметив несомненные достоинства проделанной отцом работы, Иса Коноевич высказал своё замечание, что «в диссертации использовано слишком много иностранных слов и надо бы писать проще». Между тем знание теории вопроса, иностранной литературы было самой сильной стороной Георгия Львовича и спорить с ним в этой части в Киргизии 60-х гг. никто не мог (да и как спорить с человеком, владеющим девятью иностранными языками!). «Что ответим Ахунбаеву на его замечание?» — спросил отец у Георгия Львовича. Великолепный мастер полемики, Георгий Львович сразу же нашёл остроумный выход из сложившейся ситуации. Дело в том, что в Киргизии 60-х гг. республиканское издательство не пропускало через типографию монографию, если рядом с фамилией автора не стояла киргизская фамилия. Это была разнарядка Москвы и в этом, конечно, нельзя было никого винить. «Саша, — сказал Георгий Львович, — а ты посчитай и скажи, сколько иностранных слов использовано в нашей “совместной” с Исой Коноевичем монографии». И вот встаёт с ответным словом отец и говорит:

Глубокоуважаемый Иса Коноевич! В вашей совместной монографии, написанной с Георгием Львовичем Френкелем, которая является настольной книгой для всех аспирантов медицинских вузов страны, в первой главе использовано столько-то иностранных слов, во второй столько-то. Так что, Иса Коноевич, берем пример с Вас.

Ахунбаев сразу понял, что он попал в ловушку, и, чтобы не смешить аудиторию, снял своё замечание². За эту «совместную» монографию, которая называлась «Шок и коллапс», в 1970 г. Георгию Львовичу Френкелю и Исе Коноевичу Ахунбаеву была присуждена Государственная премия Киргизской ССР, до получения которой Георгий Львович так и не дожил. К сожалению, трагически сложилась судьба самого И.К. Ахунбаева. В 1975 г. вместе с женой, дочерью и зятем он погиб в автокатастрофе. Светлой, как говорится, ему памяти. Это был, по воспоминаниям отца, очень талантливый хирург, много сделавший для развития здравоохранения в Киргизии.

В последние годы Френкель часто задумывался о жизни и смерти. Пытаясь как-то приободрить его, отец говорил: «Георгий Львович, вон молодые лезут вне очереди.

² Защита Алиева Ш.А. Фрунзе 1967 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gfFCRzDkuOs>.

Мы ещё поживём». На что тот отвечал: «В том-то и дело Саша, что молодой человек может умереть, а я должен».

Как опытный патофизиолог, Георгий Львович почувствовал приближение смерти, и когда отец бросился за «скорой», он сказал: «Саша, не надо, лёгкие набирают воздух, жить осталось недолго». Г.Л. Френкель ушёл из жизни в 1969 г. За год до этого умерла жена Георгия Львовича — Елена Васильевна. Это была искренняя и трогательная привязанность двух людей, которым судьба не дала своих детей и которые душа в душу прожили всю свою жизнь.

Отец в это время уже заведовал кафедрой травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии в Киргизском мединституте.

Рис. 3. Г.Л. Френкель на защите докторской диссертации своего ученика. 1967 г. Фрунзе
Fig. 3. G.L. Frenkel at the defense of his student's thesis. 1967. Frunze

Через несколько лет он принял решение вернуться на Кавказ, куда мы и переехали в 1973 г. В 70–80-х гг. отец заведовал кафедрой анатомии и физиологии человека и животных в Чечено-Ингушском государственном университете, был деканом биолого-химического факультета. Отец хотел открыть медицинский факультет при университете, но не успел. Он ушёл из жизни в 1989 г. внезапно от сердечного приступа, пережив Георгия Львовича на 20 лет. На всю жизнь мой отец сохранил любовь и глубокую признательность к этому выдающемуся учёному и человеку, о котором мог рассказывать нам часами. Эту статуэтку Галины Улановой, книги и фотографии Георгия Львовича мы пронесли через две «чеченские войны». На оборотной стороне фотопортрета Г.Л. Френкеля, где он запечатлён в форме капитана дальнего плавания Военно-морского флота СССР, есть такие слова: «Милому Саше на добрую память о совместной работе во Фрунзе, Таллине и Питере. Надеюсь на дальнейшие успехи в Таллине, Фрунзе и может быть в... Грозном».

К сожалению, мечте Георгия Львовича Френкеля приехать в Грозный не суждено было сбыться, но память об этом выдающемся учёном и замечательном человеке навсегда сохранилась в нашей семье и в памяти благодарных потомков.

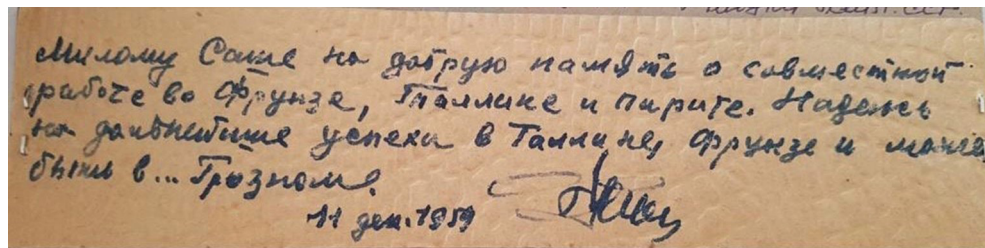

Рис. 4. «Милому Саше на добрую память о совместной работе во Фрунзе, Таллине и Питере. Надеюсь на дальнейшие успехи в Таллине, Фрунзе и может быть в... Грозном»
 Fig. 4. “To my dear Sasha, in good memory of the joint work in Frunze, Tallin and St Petersburg. I hope for further success in Tallin, Frunze and maybe in... Grozny”

И в заключение я хотел бы сказать ещё несколько слов. Я глубоко убеждён в том, что о Георгии Львовиче Френкеле в будущем будет написана не одна книга. Это уникальное явление в нашей истории. Георгий Львович прожил очень яркую, но непростую жизнь. Дело в том, что становление и расцвет Георгия Львовича Френкеля как учёного пришлось на самый трагический период истории нашей страны — годы сталинских репрессий. И не вина Георгия Львовича Френкеля, а наша общая беда в том, что ему приходилось «играть в прятки» с этим режимом. В любой цивилизованной стране мира таких людей, как Георгий Львович, с его эрудицией, кругозором, знанием десятка иностранных языков, носили бы на руках. И только в сталинскую эпоху этим людям приходилось непрерывно отстаивать своё естественное право на человеческую жизнь. Это было поколение честных и высокообразованных людей с ясно очерченной системой нравственных ценностей. Мы разрушили эту систему в последние десятилетия, или, как любила говорить мой научный руководитель Валерия Михайловна Селунская в годы моей аспирантуры в МГУ: «Мы сожгли всё то, чему поклонялись, и теперь вынуждены поклоняться всему тому, что сжигали». И я думаю, что уже давно настало то время, когда имя Георгия Львовича Френкеля должно быть возвращено и включено в плеяду выдающихся учёных XX столетия. Учёный-патофизиолог, поэт и переводчик, библиофил, театрал и театральный критик, эстет и философ, Георгий Львович Френкель впитал в себя все лучшие черты русской интеллигенции. Его по праву можно было бы назвать великим гуманистом нашей эпохи. В самые трагические минуты нашей истории он был одним из тех, кто, проявив сострадание, протянул руку помощи представителю униженного, оскорблённого и оклеветанного чеченского народа, дав тем самым надежду на восстановление справедливости и возвращение на свою историческую Родину.

Вечная память и низкий поклон Георгию Львовичу Френкелю и его жене Елене Васильевне, от себя лично и от лица всего чеченского народа...

При подготовке публикации была использована биографическая справка о Г.Л. Френкеле, составленная профессором А.Ю. Тилисом, обнаруженная в архиве Киргизской медицинской академии, и воспоминания родителей.

Georgii Lvovich Frenkel, a prominent Petersburger, scientist and humanist

AHMAD SH. ALIEV, JANNA M. ALIEVA

Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia; ahmad-aliev@mail.ru

The authors pay tribute to Georgii L. Frenkel, Full Member of the USSR and Kyrgyz SSR Academies of Medical Sciences and, an outstanding physiologist and family friend. The article tells about his life, his contributions to and influence on medicine in Kyrgyzstan in the mid-20th century, and reveals the traits of his character that were known to his closest students only.